

УДК 93/.99+882 (575.2) (04)

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВОСТОКА
В РУССКОЙ ОРИЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XVIII – НАЧ. XIX в.)**

Г.Д. Данильченко – докторант

Анализируются причины тесных историко-культурных отношений России и Востока, нашедших многократное отражение в русской ориентальной литературе XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: литературные связи; Россия и Восток; русский ориентализм.

Направленность интереса к Востоку для каждого европейского народа и в каждый исторический период определяется геополитическими, социальными и культурными факторами. Специфика России, обусловленная ее евразийским географическим положением, определила неповторимость как ее истории, так и культурного развития. Россия имела тесные контакты как с восточными народами (татарами, бурятами, якутами, казахами, киргизами, калмыками, монголами, тюрками), так и с западными (шведами, немцами, литовцами, голландцами) [1]. Это наложило отпечаток на весь ход культурно-исторического развития России и особенно ярко отразилось в литературе. Интерес к Востоку в русской литературе не иссякал с древнейших времен и до настоящего времени. Идеи Востока транслировались в русскую литературу посредством многочисленных форм, среди которых наиболее значительными являлись переводы, переложения, подражания, заимствования, реминисценции, аналогии, использование мотивов, сюжетов, образов, восходящих к восточным культурным памятникам.

Связи Востока и Запада существовали всегда. Они имели политический, торговый и культурный характер. Накопление сведений о Востоке диктовалось на Западе вплоть до эпохи Возрождения в основном практическими потребностями и богословскими целями. Деятели европейского Ренессанса систематизировали знания о Востоке, придавали этому интересу научную направленность, впервые сделали восточные языки предметом изучения в европейских университетах.

Но особый интерес к Востоку Европа испытала в XVII–XVIII вв. Исследователи культурных связей

Запада и Востока называют этот период увлечения Востоком на Западе “филоориентализмом”. Этот термин фигурировал в целом ряде исследований, рассматривающих отражение Востока в “своей” национальной литературе [2–8].

Известный востоковед И.С. Брагинский пишет о филоориентализме следующим образом: «С конца XVI – нач. XVII в. в европейской литературе сформировалось филоориенталистическое течение. Писатели рисовали благородных сиамцев, благородных турок, арабов, эфиопов, используя их этический облик для гуманистической проповеди. Особенно была богата филоориентальными романами и описаниями путешествий французская литература. Вершиной филоориентализма могут быть признаны “восточная драматургия” Вольтера и “Персидские письма” Монтескье. В этих произведениях Восток служил лишь декорацией, иногда маской для выражения освободительных идей Западного Просвещения» [3: 123].

Филоориентализм был также частью и русского Просвещения. Культурные отношения России и Востока имели более непосредственный и органический характер, чем связи Западной Европы с Азией.

Филоориентализм обогатил русскую литературу XVIII в. новыми образами, мотивами, раздвинул ее географические и исторические представления, побуждал к поискам гуманистических начал в культурах восточных народов. “Следов первобытной поэзии должно искать у древних обитателей Востока: ибо в сей части мира человек принял бытие свое”, – объясняет автор диссертации “Нечто о поэзии евреев”,

отрывок из которой был помещен в журнале “Вестник Европы” за 1824 г. Русский исследователь еврейской поэзии Н. Бобрищев-Пушкин писал: “Кроме спасительных наставлений мы получаем из священных книг понятие о вкусе, господствовавшем за несколько веков до нас, у народа, весьма отличного от нынешних народов, и которого земля отдалена от нас на великое пространство. Мы находим в них особый образ сочинений, которого красота поразительна и совершенно соответствует важности и величию предметов, его составляющих... Вообще можно сказать, что пиитический язык Ветхого Завета сильнее, смелее, живее всех прочих известных стихотворных языков. Там говорит само вдохновение: предметы не описываются, но ясно представляются глазам нашим, переходы громки, связь нечувствительна, лица часто переменяются” [9: 262].

Поэзия и мораль, так органично соединенные в священных книгах, становятся неистощимым источником тем, сюжетов, мотивов, идей для литератур всего мира и русской, в частности.

Поэтические возможности, заключенные в Библии, вдохновляли на создание художественных произведений многих русских писателей XVIII в. Общечеловеческие идеи, заложенные в Библии, разрабатывались русскими писателями как идеи русской нации, стоящей на пороге исторического выбора.

При чтении “Оды, выбранной из Иова, гл. 38, 39, 40 и 41” М.В. Ломоносова возникают аналогии с русской историей начала XVIII в. и преобразующими деяниями Петра I, воздвигнувшего новую столицу на берегах бурной Невы:

“Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дал не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвинул океан?” [10: 140].

Размышления о современной жизни, раздумья о назначении великих людей в истории своего народа привлекали русских писателей к творческому осмыслению религиозных памятников Древнего Востока, служили важным стимулом для осуществления поэтических аналогий всемирной истории с историей русской нации. И русские писатели активно использовали восточные аналогии в просветительских целях.

Библейские сюжеты привлекали русских писателей глубокой постановкой нравственных

проблем, актуальных для любого времени, ставили проблемы гуманизма в качестве первостепенных.

Во II половине XVIII в. ориентальные тенденции проявили себя в авантюрно-развлекательной литературе. После выхода перевода арабских сказок Антуана Галана, поразивших читателя исключительной фантастикой, новыми образами, экзотическими картинами природы, нравов и своеобразной поэзией, поток модной ориентальной литературы буквально захлестнул всю Европу. Не миновала этой участи и Россия, где впервые арабские сказки “Тысяча и одна ночь” были переведены с французского языка в 1763 г. Это способствовало появлению в русской литературе целого ряда “восточных” развлекательных повестей: “Медный город”, “Забавные наставления Горама, сына Асмарова”, “Прогулка шаха Аббаса”, “Сизим, великий султан” и другие. В основном они пользовались популярностью у читателей невзыскательного литературного вкуса.

Восточные аксессуары и мотивы наполняли просветительскую литературу, которая утверждала культ разума, доказывала необходимость перестройки общества на началах разума и справедливости. Это определило круг образов, характерных для русской “восточной” повести: скучающий “от веселостей” государь, справедливый визирь, корыстный муфтий или кадий, дервиши и др.

Ориентальные опыты Г.Р. Державина в “Фелице”, “Видении Мурзы” – это чистая аллегория, где Восток выступает в качестве антуража, экзотического оформления для нравственно-дидактического наставления. В повести С. Боброва “Селим и Фатьма” восточное служит в качестве экзотики. Таким образом, в просветительском филоориентализме восточное еще не осознается как национальное, либо выражается в незначительной степени, затушевываясь задачей политической аллюзии или дидактической нравственной идеей [11: 7–8].

Впервые в тайну национального попытался проникнуть К. Батюшков в одной из “Мадагаскарских песен”, переводе из Э. Парни (1810):

“Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит,
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!..
Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду с чувствами согласны,
Являют негу и любовь” [12: 385–386].

Ритмом, интонацией стиха К. Батюшкову удается передать восточную замедленность телодвижений, “томность” и “негу”, соотносившиеся в то время с Востоком.

Черты нового образа Востока проступают во вненациональных мотивах, принадлежащих к общим местам всей мировой литературы – в описаниях пейзажа, окружающей героя обстановки, его портрета и костюма, ставших ведущими в литературе романтизма.

Традиционно связываемые с Востоком роскошные картины богатства и пышности позволяли уйти из реального мира в мир идеальный. Идея Востока оказалась чрезвычайно плодотворной для русского романтизма начала XIX в. Это определилось в ходе поисков художественной действительности, предпринятом романтиками. Они искали исключительную, а не повседневную действительность.

Новый этап ориентальной русской литературы связан с творческой деятельностью В.А. Жуковского (“Лалла Рук”, “Рустам и Зораб”, “Наль и Дамаанти” и др.). Интерес В.А. Жуковского к Востоку питался западноевропейскими источниками: немецкими, английскими, французскими. Через переводы ориентальных произведений в русской литературе культивировал особый интерес, творческое отношение к Востоку. Важную роль в знакомстве русского читателя с Востоком сыграла “восточная” поэма Т. Мура “Лалла Рук”, переведенная на русский язык разными писателями. Одна из ее частей – “Огнепоклонники” – была в 1821 г. переведена русским декабристом Н. Бестужевым [13]. Тематика этой части (борьба Огнепоклонников, страдающих под игмом аравийского тирана) соответствовала декабристским пристрастиям, и перевод Н. Бестужева воспринимался как явление литературы декабризма.

И в то же время другая история (“Рай и пери”), рассказанная героем поэмы принцем Алирисом индийской принцессе Лалле Рук, история, в которой восточный колорит служит фоном для повествования религиозно-мистического плана, привлекает внимание В. Жуковского (“Пери и ангел”). “Почему не взял он Гяура, поклонников огня, Вильгельма Теля? Потому что это не родное душе его. И на том, что берет Жуковский, не отзывается ли одиноко унылый, грустный отблеск его поэзии...?”, – отмечал Н. Полевой [14: 540]. Особый интерес к “восточной” поэме Т. Мура возник у В. Жуковского в 1821 г., когда, находясь в свите великой княгини Александры Федоровны во время ее поездки в Германию, по-

эт наблюдал дворцовую постановку “живых картин” на сюжеты “восточной повести” Т. Мура [15: 658–663].

Поэма “Пери и ангел” пользовалась успехом у публики и получила разноречивые критические оценки. Так, К.Ф. Рылеев в “Послании к Н.И. Гнедичу” писал:

“Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной пери”
[16: 57].

В то же время известны отрицательные отзывы о “Лалла Рук” А.С. Пушкина, которому не нравился цветистый, восточный стиль Мура: “Жуковский меня бесит – что ему понравилось в этом Муре, чопорном подражателе безобразному восточному воображению?” [17: 32]. Через несколько лет Пушкин в письме к Вяземскому возвращается вновь к близким мыслям: “Знаешь, почему не люблю я Мура? – потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо – ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и образование европейца” [17: 135].

Важнейшей особенностью русского ориентализма была установка на его антиэкзотизм. В приведенном замечании А.С. Пушкина это отчетливо звучит. Есть основания полагать, что стремление к антиэкзотизму прививалось в русской литературе критикой этого периода. Весьма убедительно звучат подобные призывы на страницах журнала “Московский Вестник”: “...в наше время англичанин Мур пристрастил всю Европу к восточному роду поэзии, с которой, впрочем, Гете и еще прежде Гердер, ее познакомили. – Мы, русские, не остались чуждыми его примеру: нечувствительно обогащается словесность наша восточными апологами, стихотворениями, поэмами. Критика радуется, смотря на сие обогащение; между тем, холодная предусмотрительность, в которой ее часто, но несправедливо укоряли, заставляет опасаться, чтобы роскошь описаний не заменила у наших стихотворцев истинной силы чувствований и мыслей” [18: 277].

Значительно позже демократический критик В. Титов (Тит Космократов) в статье “Восточная жизнь” иронизировал над увлечением русских и европейских романтиков изображать Восток экзотическими красками: “Всего удивительнее то, что, несмотря на неотъемлемую красоту предметов, почти никто не хочет изображать их самородными естественными красками. Под смелым

пером автора наемная кляча неминуемо превращается в борзого коня, женщины, покрытые румянами и белилами – в пленительных красавиц, ветхая беседка – в очаровательные палаты, достойные тысячи одной ночи, десяток кипарисов, разбросанных наудачу и даже не защищающих от солнца – в райские сады, свинцовые кровли – в золотые” [19: 26].

Сталкиваясь с многочисленными у Т. Мура восточными реалиями, В.А. Жуковский нередко нейтрализует экзотические детали, стремится сгладить слишком выбивающиеся из собственно национальной традиции образы и поэтические приемы.

В.А. Жуковский не следует слепо западным образцам, он тонко улавливает особенности восточного мировосприятия, и в своих переводах-переложениях вырабатывает особый эстетический и философский взгляд на природу восточного культурного наследия. “Уважение к истории и культуре всех народов – отличительная особенность как философско-исторической, так и эстетической позиции Жуковского, – пишет А.С. Янушкевич. – Для него фольклор, исторические предания, эпос – важнейший источник национального самосознания, и в этом отношении все народы и страны вызывают его интерес” [20: 243]. Ни одна экзотическая художественная деталь западноевропейских художников не была бездумно перенесена в русский перевод, пока сам переводчик не уяснял ее по научным, литературно-художественным, историческим источникам [8: 519–524]. В ориентальных романических произведениях В. Жуковский стремился к достоверному изображению местного колорита и глубокому проникновению в суть чужой культуры.

Народное мировосприятие, нравственные обычаи, закрепленные в памятниках мифологии древних восточных народов, привлекали русских романтиков не только своей необычностью, экзотикой, но и давали необыкновенный простор для провозглашения главной ценности – ценности человеческой жизни, человеческой личности.

Важным моментом этой эстетической идеи романтиков явился их живой интерес к национальному колориту: нравам, обычаям, преданиям восточных народов, в обычаях которых русские романтики искали и находили элементы ярко проявившихся национальных черт, позволявших глубже понять специфику восточного мировосприятия. Мотивы кровной мести, верности Ал-Корану и древним обычаям предков, которые

русские писатели черпали из непосредственного знакомства с восточными народами, широко использовались в романтизме. Так, в стихотворении А. Марсельского “Клятва дагестанских панцырников” (1844) подмечены и самые страшные грехи: измена, убийство близких; и самые страшные клятвы: Аллахом, Ал-Кораном, Магометом, оружием:

“Аллаху клянусь я в верности –
Его святым Ал-Кораном,
Великим пророком Магометом,
Посланником его; клянусь
Грозною шашкою дедов моих,
Неизменным кинжалом отца моего;
Пусть Аллах накажет меня за измену
Моею собственной рукою,
Как за отца убийство;
Родовым кинжалом в сердце...” [21: 350].

Мотивы и темы кровной мести, верности обычаям предков, неотвратимости наказания за нарушение древних обычаев гор особенно часто звучат в произведениях русских писателей, посвященных Востоку.

Распространенными сюжетами в ориентальных произведениях романтиков становятся истории похищения невест, восходящие к обычаям восточных народов; избивание камнями провинившихся правозверных; самосожжение индийских вдов, идущих в горящий костер за телом усопшего мужа; самонаказания индийских браминов и еще целый ряд экзотических и совершенно неприемлемых, с точки зрения европейца, обычаев.

Идеи “местного колорита” в русской ориентальной литературе служили целям познания нового мира, его географии, быта, духовного состояния народа. Обращение к восточным темам, образам, реалиям давало возможность найти нравственную опору в народных этико-философских нормах. Поиски нравственного идеала, стремление к гражданскому самосовершенствованию, возможность показать урок своим современникам с целью воспитания высоких гражданских и моральных чувств, – все это, безусловно, обогащало романтическую традицию, и идеи Востока играли в этом становлении видную роль.

Русская литература в XIX в. особенно активно приобщалась к великим эстетическим достижениям иных народов. Ведущая роль в этом принадлежала романтизму, впервые осознанно поставившему проблему обогащения русской литературы за счет инонациональных влияний. Воздействие Востока и “восточного” на русский

романтизм было весьма существенным и во многом определило особенности развития всей русской литературы и эстетики первой трети XIX в.

Литература

1. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог. – Л.: Сов. писатель, 1990.
2. Брагинский И.С. Проблемы востоковедения. – М.: Наука, 1974.
3. Брагинский И.С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. – 1965. – №4; 1966. – №4.
4. Белкин Д.И. Концепция Востока в творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1970.
5. Каганович С.Л. Русский романтизм и Восток. – Ташкент: Фан, 1984.
6. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток: Очерки. – М.: Наука, 1974.
7. Тартаковский П.И. О восточно-эпической основе русской ориентальной поэзии 20-х гг. // Фольклор, литература и история Востока. – Ташкент: Фан, 1934.
8. Янушкевич А.С. Рюккертовские переложения восточного эпоса В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. II. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984.
9. Вестник Европы. – 1824. – Ч. 134. – №8.
10. Русская поэзия XVIII в. – М.: Худ. лит., 1972.
11. Тартаковский П.И. Русская поэзия 20–30-х годов и художественное наследие народов Востока. – Ташкент: Фан, 1977.
12. Батюшков К.Н. Соч.: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1989. – Т. 1.
13. Обогаители огня: Восточная повесть (из Томаса Мура) / Пер. Н. Бестужева. – СПб., 1821.
14. Московский телеграф. – 1832. – Ч. 47. – №20.
15. Алексеев М.И. Русско-английские литературные связи. – М.: Наука, 1982.
16. Рылеев К.Ф. Сочинения. – Л.: Худ. лит., 1987.
17. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 2-е. – Т. 10. Письма. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.
18. Московский Вестник. – 1827. – Ч. 4. – №13–16.
19. Современник. – 1857. – №8.
20. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.
21. Современник. – 1844. – Т. 33.